
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

THEORY AND HISTORY OF LAW ENFORCEMENT

УДК 340.15

DOI 10.24147/2542-1514.2020.4(3).5-15

РОССИЯ: СОБСТВЕННОСТЬ И ГОСУДАРСТВО. ИЗ ИСТОРИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ (Часть I)

А.В. Бутаков

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –
07 июня 2020 г.

Дата принятия в печать –
20 августа 2020 г.

Дата онлайн-размещения –
01 октября 2020 г.

Ключевые слова

Способ организации
собственности, нормативный
структурализм, советская
социалистическая собственность,
онтология правоприменения,
приватизация, собственность,
Конституция, постсоветская
Россия

Актуальность статьи обусловлена существованием пробела в исследовании собственности и государства как единого системного отношения. Цель статьи – показать на примере постсоветского правоприменения, что каждый способ организации собственности – частный, смешанный (корпоративный), общий (коллективный) – потенциально стимулирует существование определённой структуры государства. Используется авторская методология исследования государства – нормативный структурализм. Обосновывается теоретическая концепция авторского исследования собственности как основной системообразующей цели существования государства, которая позволяет расширить спектр инструментальных средств изучения российской государственности.

RUSSIA: PROPERTY AND STATE. THE HISTORY OF POST-SOVIET LAW ENFORCEMENT (Part I)

Alexander V. Butakov

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Article info

Received –
2020 June 07

Accepted –
2020 August 20

Available online –
2020 October 01

Keywords

Way of organizing property,
normative structuralism, Soviet
socialist property, law enforcement
ontology, privatization, property,
Constitution, post-Soviet Russia

The subject. The relevance of the article is stipulated by the gap in the study of property and the state as a consistent system.

The purpose of the article is to confirm or disprove the hypothesis that each way of organizing property such as private, mixed (corporate) and general (collective) potentially stimulates the existence of a certain state structure.

The methodology. The author uses normative structuralism. This methodology is created by the author and is based on the idea that property as the main system-forming goal of the state's existence genetically predetermines principles of rationing its structure.

The main results of the research. Each way of organizing property in a particular social time period can acquire the quality of the main backbone in the organization structure of the state. Each way of organizing property provides proper social function: private way of organizing property provides function of social development; mixed (corporate) way provides function of social compromise (convergence); general (collective) way provides function of social security in the broadest sense. If private way of organizing property genetically programmed for the production and reproduction of social competition, mixed (corporate) and common (collective) ways are determined by the idea of its limitations and leveling. When the private way of organizing property becomes the main system-forming one it begins to fully stimulate the existence of a democratic structure of state organization. In turn, when mixed (corporate) and common (collective) ways of organizing property become the main system-forming ones, they stimulate the existence of a wide structural range of state functioning: from various regimes of democratic orientation to specific non-democratic regimes.

Conclusions. The study of property as the main system-forming goal of the state existence through the normative structuralism concept allows us to conclude that that each way of organizing property stimulates the existence of a certain state structure.

1. Введение. Уроки советского прошлого

1991 – это год, когда с мировой политической авансцены сошло первое в мире социалистическое государство – Союз Советских Социалистических Республик. Несколько общих наблюдений и суждений, характеризующих специфику того социального времени.

Сегодня всё чаще и чаще сталкиваешься с позицией, когда распад Советского Союза определяется в качестве крупнейшей геополитической катастрофы XX в. [1, с. 17] Так ли это? Почему страна с более чем 280-миллионным населением, с высоким уровнем культуры и образования, занимающая 1/6 часть земной поверхности, имеющая стратегическое географическое положение, обладающая несметными природными богатствами, наконец, располагающая крупнейшим в мире потенциалом ядерного оружия, рухнула в одночасье, как карточный домик? Страна, где в 1990 г. 18 856 113 человек (т. е. почти каждый пятнадцатый гражданин СССР) были членами коммунистической партии и представляли собой передовой отряд советского народа, добавьте к этому многомиллионную армию членов ВЛКСМ. Все они молча наблюдали за государством, как за тонущим «Титаником»¹.

Естественное восприятие подобного исхода было обусловлено наступлением ряда объективных явлений, каждое из которых составляло целостность, характеризующую собой тотальную неотвратимость произошедшего.

Во-первых, страна с начала 70-х гг. стала неуклонно уступать в темпах роста производства и производительности труда передовым капиталистическим странам с конкурентоспособной рыночной экономикой, не выполняя пятилетку за пятилеткой свои же планы социального и экономического развития (см., например: [2; 3, с. 388]). Монополизация форм общего (коллективного) способа организации собственности достигла своего максимума. Мобилизационный ресурс форм общего (коллективного) способа организации собственности, по существу, иссяк. Экономика перестала воспринимать идеологическую доктринальность марксистско-ленинского

учения, переходя к существованию посредством различных форм рентоискательства. Говоря проще, блат превратился в основной механизм обеспечения функционирования производства: у кого больше лимитов, тот и передовик. Всё новое наукоёмкое высокотехнологичное производство стало несовместимым с уже действующей тотальной системой рентоискательства и её универсальным законом: «Не лезь в герои, если надо – позовут».

Во-вторых, страна превратилась в страну всеобщего распределения. Как известно, формы общего (коллективного) способа организации собственности обусловлены действием функции социального обеспечения. В советском же варианте ликвидация частного способа организации собственности с функцией социального развития и последовавшая монополизация общего (коллективного) способа её организации самым естественным образом снизили экономические возможности реализации функции социального обеспечения. В то же время происходил объективный рост социальных потребностей граждан, удовлетворить которые с каждым годом становилось всё труднее и труднее. На определённом этапе социалистического строительства страна была вынуждена перейти к формированию системы всеобщего нормирования в распределении. Так, к концу 80-х гг. она перешла на карточную распределительную систему по всем основным жизненно важным продуктам [4, с. 593; 5, с. 239]. Каждый из нас тогда в полной мере почувствовал на себе смысл этой всеобщей распределительной системы с её универсальным законом: «когда», «кому», «сколько» и «в одни руки».

В-третьих, страна с системой всеобщего распределения стала страной всеобщего дефицита [6]. Реальный контроль за движением дефицитных товаров и соответствующих услуг превращал конкретных советских граждан в носителей своеобразной внутренней эрзац-валюты, которая, с одной стороны, в зависимости от объёма и качества дефицитных товаров и услуг обеспечивала им стратификационный рост в категориях «нужный человек», «очень нужный человек», «человек, который решает всё»; с

¹ Партийная статистика. Статистические данные по КПСС на 1 января 1990 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 113.

другой – формировала очень узкий специфический перечень указанных товаров и услуг, которые приобретали качество всеобщего эквивалента, зачастую делая функцию денежного платёжного средства второстепенной. Под воздействием всеобщего распределения и всеобщего дефицита стала формироваться специфическая система социального неравенства, в основании которой уже был не принцип «от каждого по способностям, каждому по труду», а близость гражданина к производству, обмену, распределению и потреблению дефицитных товаров и услуг с известной присказкой того времени: «не спрашивай, какой оклад – спроси, какой склад».

В-четвёртых, страна с всеобщей непроизводительностью труда, с всеобщим карточным распределением, с всеобщим дефицитом, с новой системой социального неравенства, обусловленной не трудом, а участием в распределении дефицитных товаров и услуг..., порождала у рядовых советских граждан чувство социальной безнадёжности. Отсутствие социальной перспективы развития особенно актуализировалось на фоне потребительского изобилия в капиталистических странах с конкурентоспособной рыночной экономикой. В сознании советских граждан складывалось сложное социальное противоречие, где одновременно наша страна самая великая, самая сильная, самая прекрасная и тут же – продуктовые карточки, талоны, бесконечные очереди, спекуляция, коррупция, официальная ложь... В результате формировались двойные социальные стандарты, которые приобрели массовый характер. Культурно-нравственные ценности строителя коммунизма потеряли свой первоначальный смысл.

В-пятых, страна, где марксистско-ленинская идеология в качестве основополагающего элемента мобилизационного ресурса осуществления социального управления перестала быть таковой. Начался массовый исход советских граждан из членов КПСС [7, с. 49; 8], хотя буквально ещё 10 лет назад они «толкались в тесной очереди» с тем, чтобы вступить в её ряды. Идеологическая тотальность разрушалась на глазах. КПСС превращалась в объект для политических анекдотов и побасёнок, за каждую из которых ещё 30–40 лет тому назад можно было с уверенностью обеспечить себе длительный срок заключения. Советский народ, образно говоря, «потерял весь страх», то есть то, что на протяжении многих десятилетий существования государства было в решающей степени исключительным методом социального управления. Для раба – страх, для гражданина – стыд, такова была эволюция сознания наших сооте-

чественников. Уход Советского Союза в политическое небытие был настолько естественным явлением, что многонациональный и многомиллионный советский народ прощался с ним, молчаливо соглашаясь с бесперспективностью его существования. Народ воистину безмолвствовал.

Насильственная ликвидация частного способа организации собственности и монополия форм общего (коллективного) способа её организации потенциально стимулировали формирование такой структуры Советского государства, посредством которой отчуждение человека от труда, собственности и власти достигло абсолютных значений. Это называется «за что боролись, на то и напоролись». Советское государство в самом прямом смысле уничтожило у человека социальный интерес быть гражданином, то есть свободно трудиться, свободно иметь свою собственность и распоряжаться ею, свободно выбирать место жительства и род занятий, свободно иметь и высказывать своё мнение, свободно участвовать в решении государственных, муниципальных и общественных вопросов.

Конспирологические версии о разрушении Советского Союза какими-то внешними и внутренними врагами [9–11] – это «рассуждения в пользу бедных», которые так и не поняли, почему наша страна оказалась в столь печальном социальном положении. Можно высказать самые искренние слова благодарности нашим соотечественникам за их человеческую мудрость и долготерпение, поскольку именно они не позволили преобразовать мирный распад Советского государства в губительную гражданскую войну.

2. Собственность и государство: в начале постсоветского пути

Выборы Съезда народных депутатов РСФСР в 1990 г. и президента Б. Н. Ельцина в 1991 г. в определённом смысле подвели политическую черту под существованием Советского Союза и КПСС. Наступило постсоветское настоящее. Ни народ, ни вожди не знали, что делать дальше. Было лишь понимание того, что нельзя жить так, как жили раньше.

Перед нашими глазами (глазами современников) как одно мгновение с точки зрения человеческой цивилизации прошла бурная и яркая социальная жизнь Советского государства в качестве одного из периодов многовекового существования российской государственности. Советский опыт показал, что историческая протяжённость деятельности того или иного способа организации структуры государства определённым образом зависит от функциони-

рования способа организации собственности, от комбинации основных способов её организации либо от отсутствия таковой. Уникальность советской, более чем семидесятилетней, практики социалистического строительства государства состоит в том, что она показала свою социальную бесперспективность в условиях монопольного функционирования форм общего (коллективного) способа организации собственности. Наличие комбинационной взаимосвязи и взаимодействия основных способов организации собственности: частного, смешанного (корпоративного), общего (коллективного) – есть доминантное условие жизнедеятельности современного государства. Параметры существования этого комбинационного состояния определяются тем, какой из способов организации собственности в условиях конкретного социального времени выступает в качестве основного системообразующего, что создаёт приоритет для реализации соответствующей социальной функции.

Каждый способ организации собственности может репродуцировать лишь определённую социальную функцию: частный способ организации собственности – функцию социального развития; смешанный (корпоративный) – функцию социального компромисса (конвергенции); общий (коллективный) – функцию социального обеспечения в самом широком смысле. Действие этой зависимости наглядно продемонстрировал советский опыт социалистического государственного строительства, где идеологическое стремление возложить на монополию форм общего (коллективного) способа организации собственности одновременное осуществление функции социального развития, функции социального компромисса (конвергенции) и функции социального обеспечения предопределило социальный крах существования этого государства.

Понимание того, что определённая легализация частного способа организации собственности и конкурентоспособной рыночной экономики есть просто социальная необходимость, пришло к высшей партийно-государственной номенклатуре в конце 1980-х годов [12,]. Но было уже поздно. Время, отпущенное историей на советский социалистический эксперимент, истекло. С прекращением деятельности Советского Союза осознание необходимости перехода Российского государства к конкурентоспособной рыночной экономике на основании функционирования частного способа организации собственности наступило у большинства наших сограждан. Более того, возникло состояние определённой социальной эйфо-

рии, которая привела российское общество в своеобразную ментальную ловушку.

Мы, многонациональный и многомиллионный российский народ, отправив мирно с политической авансены советское социалистическое государство, на уровне обыденной ментальности «вдруг» почувствовали, что способны в мгновение ока перевернуть сложившийся общественный уклад жизни. Мы же такие образованные, сильные, смелые, способные победить вся и всех. Для нас перейти Рубикон к конкурентоспособной рыночной экономике, частной собственности и демократии – это было решение проблемы буквально «четырёхсот дней», «пятисот дней». Или чуть меньше, или чуть больше – в общем, где-то так. Мы в одночасье забыли, что современному капиталистическому обществу для создания условий функционирования свободного демократического государства понадобилось несколько веков жесточайшей социальной конкуренции, в процессе которой частный способ организации собственности и конкурентоспособная рыночная экономика достигли нынешнего качества высокотехнологического развития.

Вместе с этим процессом эволюции частного способа организации собственности и ведения конкурентоспособной рыночной экономики естественно происходила соответствующая многовековая эволюция формирования социально-культурных ценностей человека и гражданина, реализация которых закономерно привела к существованию свободного демократического государства. Наше сознание не охватывало того, что современное свободное демократическое государство – это реальность многовекового существования, где общество сконструировало такую комбинацию способов организации собственности, при которой частный способ непрерывно осуществлял функцию социального развития в качестве основного, системообразующего.

Это была длинная дорога, сопряжённая с решением множества социально-экономических, политических и культурных проблем, которые зачастую принимали форму жесточайших социальных конфликтов и революций. В процессе эволюционного движения происходила социальная перенастройка взаимосвязи и взаимодействия способов организации собственности, тем самым формируя соответствующие пропорции реализации соотношения между функциями социального развития, социального компромисса (конвергенции), социального обеспечения. Весь этот исторический процесс дви-

жения был обусловлен перманентным существованием социальной конкуренции, которая и являлась естественным генератором соответствующей настройки определения оптимальных пропорций соотношения указанных социальных функций, репродуцируемых соответствующими способами организации собственности.

Российское общество имело принципиально иную генетику происхождения и существования. Для российской государственности традиционно, и особенно в период её советского функционирования, доминантная прерогатива форм общего (коллективного) способа организации собственности была неотъемлемой социальной реальностью. Всё это предопределяло направленность государства на всемерное ограничение и нивелирование социальной конкуренции, детерминируя таким образом перманентное функционирование недемократического способа организации его структуры. Доминирование форм общего (коллективного) способа организации собственности объективно воспроизводило наличие соответствующих диспропорций между функциями социального развития, социального компромисса (конвергенции), социального обеспечения при их реализации, поскольку действие в этих условиях частного способа организации собственности сводилось к его ограниченной допустимости либо к насильственной ликвидации.

Насильственная ликвидация частного способа организации собственности исключала функцию социального развития. Одновременно с этим происходила гипертрофированная трансформация функции социального обеспечения, действие которой субъективно расширялось как бы до универсальной, способной репродуцировать как социальное развитие, так и социальный компромисс (конвергенцию). В реальности государство, действующее на основании доминирования форм общего (коллективного) способа организации собственности, всемерно пыталось идеологическим образом стимулировать максимальное повышение мобилизационного ресурса, посредством которого и обеспечить исполнение как функции социального развития, так и функции социального компромисса (конвергенции) при отсутствии для этого объективных начал в виде частного и смешанного (корпоративного) способов организации собственности.

Здесь российское постсоветское государство в определённом смысле «вдруг», то есть имея лишь исторический опыт доминирования форм общего (коллективного) способа организации собственности, решило принципиально изменить стратегию своего существования, где частный и смешанный (корпоративный) способы организации собственности в соответствии с общественными представлениями должны были выступать если не в качестве основных системообразующих, то, по крайней мере, быть вровень с действующими формами общего (коллективного) способа её организации.

Сказано – сделано. В 1990 г. появились популярные в то время программы «400 дней доверия» (Г. А. Явлинский, А. Ю. Михайлов, М. М. Задорнов...), «500 дней» (С. С. Шаталин, Г. А. Явлинский...) [13], в которых день за днём, неделя за неделей, месяц за месяцем описывался трансформационный переход от советской плановой экономики к конкурентоспособной, социально ориентированной рыночной [14; 15]. Эта методология перехода получила разнообразную интерпретацию в многочисленных нормативных правовых актах.

3. Процесс приватизации до принятия Конституции РФ 1993 г.

Рассмотрим нормативную онтологию становления права собственности и приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР вплоть до принятия Конституции РФ 1993 г.

Так, в ст. 2 «Право собственности» Закона РСФСР от 24 декабря 1990 г. № 443-1 «О собственности в РСФСР» закреплялось, что «право собственности в РСФСР признается и охраняется законом, а имущество может находиться в частной, государственной, муниципальной собственности, а также в собственности общественных объединений (организаций)»².

В этом нормативном правовом акте, во-первых, регламентируется законодательный паритет между формами частного и общего (коллективного) способов организации собственности; во-вторых, даётся развёрнутое изложение форм общего (коллективного) способа организации собственности (государственная, муниципальная, общественных объединений (организаций)); в-третьих, не допускается установление государством в какой бы то ни было форме ограничений или преимуществ в осуществлении права собственности в зависимости от нахождения

² Закон РСФСР от 24 декабря 1990 г. № 443-1 «О собственности в РСФСР» // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1990. № 30. Ст. 416.

ния имущества в частной, государственной, муниципальной собственности и собственности общественных объединений (организаций); в-четвёртых, определяется перечень объектов собственности («предприятия, имущественные комплексы, земельные участки, горные отводы, здания, сооружения, оборудование, сырье и материалы, деньги, ценные бумаги, другое имущество производственного, потребительского, социального, культурного и иного назначения, а также продукты интеллектуального и творческого труда...»).

3 июля 1991 г. был принят Закон РСФСР № 1531-1 «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР», где в ст. 1 «Понятие приватизации государственных и муниципальных предприятий» впервые на законодательном уровне фиксировались нормативные параметры данного социального явления:

«Приватизация государственных и муниципальных предприятий – приобретение гражданами, акционерными обществами (товариществами) у государства и местных Советов народных депутатов в частную собственность предприятий, цехов, производств, участков, иных подразделений этих предприятий, выделяемых в самостоятельные предприятия; оборудования, зданий, сооружений, лицензий, патентов и других материальных и нематериальных активов ликвидированных предприятий и их подразделений; долей (паев, акций) государства и местных Советов народных депутатов в капитале акционерных обществ (товариществ); принадлежащих приватизируемым предприятиям долей (паев, акций) в капитале иных акционерных обществ (товариществ), а также ассоциаций, концернов, союзов и других объединений предприятий...»³

Здесь же в ст. 3 «Государственная программа приватизации» регламентировались следующие положения:

³ Закон РСФСР от 3 июля 1991 г. № 1531-1 «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 27. Ст. 927.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Ст. 925.

⁶ Указ Президента РФ от 29 января 1992 г. № 66 «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 7. Ст. 312.

⁷ Указ Президента РФ от 14 августа 1992 г. № 914 «О введении в действие системы приватизационных чеков в Рос-

сийской Федерации» (вместе с «Положением о приватизационных чеках») // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1992. № 8. Ст. 501.

«1. Цели, приоритеты и ограничения при проведении приватизации в РСФСР устанавливаются Государственной программой приватизации. Программа вносится Советом Министров РСФСР и утверждается Верховным Советом РСФСР не позже чем за месяц до обсуждения в первом чтении закона о республиканском бюджете РСФСР.

Программа разрабатывается на три ближайших года и состоит из задания на текущий год и прогноза на два последующих года...

3. В программе устанавливается перечень государственных предприятий, объединений или их подразделений, не подлежащих приватизации. Указанный перечень согласовывается с республиками в составе РСФСР, краями, областями, автономными областями, автономными округами, городами Москвой и Ленинградом и ежегодно утверждается Верховным Советом РСФСР...»⁴

3 июля 1991 г. одновременно с Законом РСФСР № 1531-1 «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР» принимается Закон РСФСР № 1529-1 «Об именных приватизационных счетах и вкладах в РСФСР»⁵, реализация которого по принципиальным соображениям манкировалась исполнительной властью РФ. Об этом свидетельствует Указ Президента РФ от 29 января 1992 г. № 66 «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий»⁶, Указ Президента Российской Федерации от 14 августа 1992 г. № 914 «О введении в действие системы приватизационных чеков в Российской Федерации»⁷, Указ Президента Российской Федерации от 7 октября 1992 г. № 1186 «О мерах по организации рынка ценных бумаг в процессе приватизации государственных и муниципальных предприятий»⁸ и, наконец, Указ Президента РФ от 24 декабря 1993 г. № 2284 «О Государственной программе приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации»⁹.

⁸ Указ Президента РФ от 7 октября 1992 г. № 1186 «О мерах по организации рынка ценных бумаг в процессе приватизации государственных и муниципальных предприятий» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1992. № 15. Ст. 1155.

⁹ Указ Президента РФ 24 декабря 1993 г. № 2284 «О Государственной программе приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1994. № 1. Ст. 2.

Между прочим, данный указ был принят уже после Конституции РФ от 12 декабря 1993 г.

Драматургия политической борьбы между законодательной и исполнительной властью в период с 1991 по 1993 гг. логически завершилась осуществлением государственного переворота на основании нелегитимного Указа Президента РФ от 21 сентября 1993 г. № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации»¹⁰. Просто номенклатурно-бюрократическая машина исполнительной власти РФ оказалась более мобилизованной, более организованной и более экономически и ресурсно обеспеченной в сравнении с законодательной.

Что касается приватизации государственных и муниципальных предприятий, то она в процессе этой политической борьбы приобрела совершенно иные нормативные контуры, постепенно превращаясь из всенародной в номенклатурно-бюрократическую, приобретающую в окончательном виде, по меткому замечанию народа, характер «прихватизации».

Во-первых, заметьте: совершение номенклатурно-бюрократического переворота в очередной раз подтвердило, что он является универсальным механизмом преемственности государственной власти в стране, где общий (коллективный) способ организации собственности выступает в качестве основного системообразующего.

Во-вторых, в процессе этой политической борьбы возникло нелегитимное противостояние властей, в результате которого принципиально изменилась технология проведения приватизации государственных и муниципальных предприятий в России. Если Верховный Совет в соответствии с Законом РСФСР от 3 июля 1991 г. № 1531-1 «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР» и Законом РСФСР от 3 июля 1991 г. № 1529-1 «Об именных приватизационных счетах и вкладах в РСФСР» в качестве стратегического направления приватизации установил введение именных приватизационных счетов и вкладов, то Президент РФ своим Указом от 14 августа 1992 г. № 914 «О введении в действие системы приватизационных чеков в Российской Федерации» принципиально иным образом направил приватизацию государственных и муниципальных предприятий, публично игнорируя действие указанных актов Верховного Совета РСФСР.

В-третьих, если осуществление приватизации государственных и муниципальных предприятий по-

средством введения именных приватизационных счетов и вкладов представляло собой длящееся правоотношение с фиксацией права собственности гражданина в соответствии с индивидуальным трудовым вкладом, то введение приватизации посредством именных чеков было разовым правоотношением с ограниченным временем действия (с 1 декабря 1992 г. по 31 декабря 1993 г.) без фиксации права собственности гражданина и учёта индивидуального трудового вклада (каждому гражданину РФ – чек с номиналом 10 000 рублей).

В-четвёртых, проведение приватизации в соответствии с Указом Президента РФ от 14 августа 1992 г. № 914 «О введении в действие системы приватизационных чеков в Российской Федерации» было операцией, стратегической целью которой являлось повсеместное разрушение социалистической государственной собственности. А что касается многонационального и многомиллионного русского народа, то «не было у него собственности – и не нужно к ней привыкать». Понятно, что первоначальное накопление капитала за всю историю существования цивилизации в определённом смысле всегда было бандитским, когда социальное неравенство достигало критических значений. В общем, «каждому как бы по 10 000 рублей – и будьте счастливы, а собственность мы поделим сами по номенклатурно-бюрократическим понятиям». Отсюда – в общественном сознании русского народа проведённая приватизация государственных и муниципальных предприятий приобрела статус грабительской, а сформированный частный способ организации собственности устойчиво ассоциируется с чем-то незаконным и воровским.

4. Вопросы собственности в Конституции РФ 1993 г.

С этим невятным отношением к собственности страна подошла к принятию на всенародном референдуме 12 декабря 1993 г. новой Конституции России. Что же мы видим в Конституции РФ 1993 г. с точки зрения конституирования собственности в качестве основной системообразующей цели Российского государства?

Начнём с того, что в тексте Конституции РФ термин «приватизация» не употребляется. Номенклатурная бюрократия, видимо, сочла, что проблема приватизации в её понимании уже решена раз и навсегда.

¹⁰ Указ Президента РФ от 21 сентября 1993 г. № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федера-

ции» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 39. Ст. 3597.

Термин «собственность» используется в тексте десяти статей Конституции РФ¹¹. Первые две статьи, посвящённые регулированию собственности, расположены в главе 1 «Основы конституционного строя» и уже в силу действия ст. 135 Конституции РФ имеют базовое основополагающее значение.

Итак, ст. 8 Конституции РФ:

«1. В Российской Федерации гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности.

2. В Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности».

Интересным представляется провести сравнительный анализ смыслового содержания п. 1 и п. 2 данной статьи.

Относительно «обеспечения единства экономического пространства, свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств» всё более или менее понятно, а вот что касается поддержки конкуренции и свободы экономической деятельности – здесь возникают вопросы. Что это за конкуренция, которую необходимо поддерживать? Как поддерживать? Во имя чего поддерживать? Кто будет поддерживать? Если частный способ организации собственности – это своеобразная «естественная фабрика» производства и воспроизводства социальной конкуренции, то общий (коллективный) способ её организации – это другая естественная фабрика, но уже по ограничению и нивелированию социальной конкуренции. Что же мы будем поддерживать?

Неясность в позиции поддержки конкуренции усугубляется последующим термином «свобода экономической деятельности». Что такое свобода экономической деятельности при обеспечении поддержки конкуренции по неустановленным правилам? Если это свобода экономической деятельности, то она просто свобода и конкуренция в этом смысле есть естественный механизм её обеспечения. Если же эту конкуренцию поддерживают, то это уже кем-то управляемая экономическая деятельность. Тогда просто нет свободы.

С позиции поставленных вопросов рассмотрим содержание текста п. 2: «В Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная,

государственная, муниципальная и иные формы собственности». Здесь также присутствуют определённые смысловые лукавства, могущие создать негативные юридические последствия.

Во-первых, кто конкретно это признаёт и как?

Во-вторых, что такое признавать и защищать «равным образом»? Каждый способ организации собственности имеет свою социальную функцию: частный – функцию социального развития; смешанный (корпоративный) – функцию социального компромисса (конвергенции); общий (коллективный) – функцию социального обеспечения. Потому невозможно определить критерии равенства и неравенства при реализации указанных функций, чтобы реализовать конституционно закреплён равный принцип их признания и защиты.

В-третьих, в п. 2 указанной статьи идёт перечисление: «частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности». То есть собственность общественных объединений (организаций), акционерная, кооперативная, профессиональная и др. почему-то теряют этот равный образ.

Всё это порождает вокруг собственности многообразные политические смыслы и домыслы. Нельзя с собственностью играть в политику. Она основная системообразующая цель государства. Если эта цель какая-то невнятная, то и получится подобное государство, ресурсами которого в первую очередь воспользуется не народ, а номенклатура государственной бюрократии.

Хотя возможно было зафиксировать: «собственность в РФ священна и неприкосновенна», – не устраивая вокруг неё различных политических «экзерсисов».

Политические лукавства также в полной мере присутствуют в содержании ст. 9 Конституции РФ:

«1. Земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории.

2. Земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности».

Что такое земля и природные ресурсы как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории? Этот подход может означать лишь то, что, во-первых, «земля и дру-

¹¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. 1993. 25 декабря; Конституция Российской Федерации (с учетом

поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

гие природные ресурсы» есть явление исключительное, распространение на которое юрисдикции института собственности – это в определённом смысле социальное допущение. Во-вторых, формула «земля и другие природные ресурсы» «как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории» предопределяет особое положение и роль коренных народов в использовании и охране указанных ресурсов. Это предполагает их претензию на получение определённой социальной и материальной ренты. В-третьих, государство вольно или невольно начинает ранжировать своих граждан в зависимости от этнической принадлежности, формируя таким образом различные компоненты соотношения неравенства и равенства по месту жительства (см. п. 2 ст. 19 Конституции РФ).

Редакция п. 2 ст. 9 «Земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности» обладает значительным смысловым ресурсом политического лукавства. Если земля и природные ресурсы могут находиться в частной, государственной,

муниципальной и иных формах собственности, тогда земля и природные ресурсы могут и не находиться в каждой из указанных форм собственности либо вообще могут быть выведены из гражданского правооборота. Это многообразие правовых возможностей обращения с землёй и природными ресурсами позволяет номенклатуре государственной бюрократии использовать этот ресурс прежде всего в своих собственных узкокорпоративных политических целях, в том числе «включая» и «выключая» этнический эгоизм, когда это нужно.

5. Выводы

Каждый способ организации собственности стимулирует существование определенной государственной структуры. Причем, этот процесс имеет эволюционный характер. Правотворчество и практика правоприменения в первые годы существования постсоветской России наглядно демонстрирует, что революционное внедрение новых способов организации собственности влечет дисбаланс в государственной организации общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев Э.М. Новая социальная реальность: методологические проблемы интегративного социально-философского и социологического анализа / Э.М. Андреев // Общество и право. – 2009. – № 5. – С. 13–20.
2. Орлов Б.П. Цели среднесрочных планов и их осуществление / Б.П. Орлов // Экономика и организация промышленного производства. – 1987. – № 11. – С. 34–53.
3. Конституционное право: университетский курс: учебник: в 2 т. / С.В. Арбузов, Т.В. Бережная, И.А. Володько и др.; под ред. А.И. Казанника, А.Н. Костюкова. – М.: Проспект, 2015. – Т. 1. – 432 с.
4. Государственная экономическая политика и Экономическая доктрина России. К умной и нравственной экономике: в 5 т. Т. 2: коллективная монография / ред.: С.С. Сулакшин. – М.: Научный эксперт, 2008. – 1048 с.
5. Европа и Россия: опыт экономических преобразований / под ред. В.М. Кудрова. – М.: Наука, 1996. – 471 с.
6. Бычков А.И. Правовое регулирование экономики совместного потребления / А.И. Бычков. – М.: Инфотропик Медиа, 2019. – 136 с.
7. Мохов В.П. Номенклатура как политический институт в истории советского общества второй половины XX века / В.П. Мохов // Номенклатура и номенклатурная организация власти в России XX века: материалы интернет-конференции «Номенклатура в истории советского общества» (ноябрь 2003 – март 2004 г.), сост., общ. ред., предисл. В.П. Мохова. – Пермь: Перм. гос. техн. ун-т, 2004. – С. 33–50.
8. Шахрай С.М. Конституционное право Российской Федерации: учебник для академического бакалавриата и магистратуры / С. М. Шахрай. – М.: Статут, 2017. – 624 с.
9. Исаков В.Б. Кто и как развалил СССР. Хроника крупнейшей геополитической катастрофы XX века / В.Б. Исаков. – М.: Книжный мир, 2012. – 379 с.
10. Хасбулатов Р.И. Полураспад СССР. Как развалили сверхдержаву / Р.И. Хасбулатов. – М.: Яуза-пресс, 2011. – 509 с.
11. Рыжков Н.И. Главный свидетель. Дело о развале СССР / Н.И. Рыжков. – М.: Алгоритм-Книга, 2009. – 237 с.
12. Семенко А.Б. Законодательное регулирование кооперации как принципиально новой формы хозяйствования во второй половине 1980-х гг. и ее значение в либерализации экономических отношений в СССР / А.Б. Семенко // Общество и право. – 2011. – № 5. – С. 39–42.

13. Явлинский Г.А. 400 дней доверия / Г.А. Явлинский, А.Ю. Михайлов, М.М. Задорнов. – М.: Недра, 1990. – 61 с.
14. Ясин Е.Г. Российская экономика: курс лекций. Кн. 1: Истоки и панорама рыночных реформ / Е.Г. Ясин. – М.: ИД ВШЭ, 2019. – 448 с.
15. Андреев В.В. Новые тенденции отечественного экономического развития во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. (на примере республик Среднего Поволжья) // История государства и права. – 2009. – № 18. – С. 25–27.

REFERENCES

1. Andreev E. M. New social reality: methodological problems of integrative socio-philosophical and sociological analysis. *Obshchestvo i pravo = Society and law*, 2009, no. 5, p. 13-20.
2. Orlov B.P. Goals of medium-term plans and their implementation. *Ekonomika i organizatsiya promyshlennogo proizvodstva = ECO Journal*, 1987, no. 11, p. 34-53.
3. Kazannik A. I., Kostyukov A.N. (eds.). *Constitutional law. University course. Textbook*. Vol. 1. Moscow, Prospekt, 2015. 432 p.
4. Sulakshin S.S. (ed.). *State economic policy and economic doctrine of Russia. Towards a smart and moral economy*. Vol. 2. Moscow, Scientific Expert Publ., 2008. 1048 p.
5. Kudrov V.M. (ed.). *Europe and Russia: experience of economic transformations*. Moscow, Nauka Publ., 1996. 471 p.
6. Bychkov A.I. *Legal regulation of the economy of joint consumption*. Moscow, Infotropik Media, 2019. 136 p.
7. Mokhov V.P. *Nomenclature as a political institution in the history of Soviet society in the second half of the XX century*, in: Mokhov V.P. (ed.). *Nomenclature and nomenclature organization of power in Russia of the twentieth century*. Perm, Perm State Technical University Publ., 2004. P. 33-50.
8. Shakhrai S.M. *Constitutional law of the Russian Federation*. Moscow: Statut Publ., 2017. 624 p.
9. Isakov V.B. *Who and how broke up the USSR. Chronicle of the largest geopolitical catastrophe of the twentieth century*. Moscow, Knizhnyy Mir Publ., 2012. 379 p.
10. Khasbulatov R.I. *Half-Life of the USSR. How the superpower was destroyed*. Moscow, Yauza Press, 2011. 509 p.
11. Ryzhkov N.I. *The main witness. The case of the collapse of the USSR*. Moscow, Algorithm-Book Publ., 2009. 237 p.
12. Semenko A.B. Legislative regulation of cooperation as a fundamentally new form of management in the second half of the 1980s and its significance in the liberalization of economic relations in the USSR. *Obshchestvo i pravo = Society and law*, 2011, no. 5, p. 39 - 42.
13. Yavlinский G. A., Mikhailov A.Yu., Zadornov M.M. *400 days of trust*. Moscow, Nedra Publ., 1990. 61 p.
14. Yasin E.G. *Russian economy: course of lectures. Book 1: The origins and panorama of market reforms*. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2019. 448 p.
15. Andreev V.V. New trends in domestic economic development in the second half of the 1980s - early 1990s (on the example of the republics of the Middle Volga region). *Istoriya gosudarstva i prava = History of State and Law*, 2009, no. 18, p. 25-27.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бутаков Александр Владимирович – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: magistr25@inbox.ru
SPIN-код РИНЦ: 9843-0789; AuthorID: 683256

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Alexander V. Butakov – Doctor of Law, Professor, Department of Theory and History of State and Law
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: magistr25@inbox.ru
RSCI SPIN-code: 9843-0789; AuthorID: 683256

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Бутаков А.В. Россия: собственность и государство. Из истории постсоветского правоприменения (Часть I) / А.В. Бутаков // Правоприменение. – 2020. – Т. 4, № 3. – С. 5–15. – DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(3).5-15.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Butakov A.V. Russia: property and state. The history of post-Soviet law enforcement (Part I). *Pravoprime-nenie = Law Enforcement Review*, 2020, vol. 4, no. 3, pp. 5–15. DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(3).5-15. (In Russ.).